
МИХАИЛ ЛОБАНОВ

ПУТИ ПРЯМЫЕ И — ЛУКАВЫЕ

Однажды я спросил о. Евгения (Булина), священника подмосковного храма Покрова Божией Матери (он выпускник Литературного института имени А. М. Горького, где посещал и мой семинар), пишет ли он иногда что-нибудь, и о. Евгений ответил: я как-то попробовал, и мне стало нехорошо. И так это сказал, с таким выражением почти физической реакции на это “нехорошо”, что мне неловко стало за мой вопрос. И тогда же о. Евгений подарил мне книгу, которая во многом объяснила, мягко говоря, его сдержанное отношение к литературе. Книга эта — “История одной старушки” монахини Амвросии (в миру — Александра Оберучева). (Изд. Храма святых Косьмы и Дамиана на Маросейке. М., 2005.) И когда я начал читать ее, то сразу же почувствовал, как душа моя насыщается той простотой подлинности, за которой не видно слов, а встает перед тобой вся жизнь человека, какой она и должна быть по Христу, но почти не бывает по нашему ничтожеству.

Молодой девушкой в дореволюционное время Александра Оберучева избрала путь деятельной любви к “труждающимся и обремененным”, став земским врачом, и вот мы видим, с какой самоотреченностью, изнемогая от усталости, помогает она людям в их страданиях. Толпами крестьяне с детьми, даже до трехсот в день, шли к ней на прием, зачастую ночью приходилось ей на подводе ехать в дальнюю деревню верст за сорок. И всегда она сознавала “гору великой ответственности на себе”: ведь ей “вручена жизнь человека”.

Началась мировая война, провожая в поход брата с его товарищами, врач Александра Оберучева сказала им: “Я тоже поеду на войну”. Поехала она на фронт с мыслью как врач “поспеть к первому бою”. Так и вышло. На первом перевязочном пункте увидела она ужасную картину: масса тяжелораненых, разбитые черепа, искалеченные тела, стоны, умоляющие о помощи голоса, вскрики в бреду, неподвижность умерших. Скорее, скорее делать перевязки, все делать, чтобы облегчить мучения солдат. “Все мое черное платье было залито кровью, и я считала, что это святая кровь”. На другой день утром она вместе с санитарями отправилась в направлении места боя. Оказывая по пути помощь раненым, дошла даже до окопов, к величайшему удивлению находившегося там брата, командира полка (о его местонахождении она узнала до этого).

Предстояла вскоре подвижническая работа в лазарете для холерных больных, потом во главе отряда, включавшего многих сестер, братьев милосердия, санитаров. Тогда она тяжело заболела сыпным тифом и едва выжила. Перед нами целая эпопея милосердия, святости в войну.

Встретившись на фронте с сестрой, ее брат, боевой офицер, сказал ей: “Саша, мы видели с тобой за это время столько человеческих страданий, что жить обычной, прежней жизнью уже нельзя — поступай в монастырь”. Эти слова совпадали с самым ее подспудным желанием. В марте 1919 года в Оптиной пустыни был совершен постриг. Александра Оберучева стала монахиней Амвросией. Началось новое, духовное подвижничество.

В январе 1918 года декретом Совета народных комиссаров Оптиная пустынь была закрыта, но продолжала существовать под видом сельхозартели до весны 1923 года. В Вербное Воскресенье этого года начался разгон старцев и монашествующих. «Прежде я думала: буду жить здесь, пока живы еще наши параличные монахи и калеки... Пошла к заведующему (латышу) и спросила его, а он мне на это сказал: «Да этих черных ворон можно стрихнином...». Меня это так поразило, что я, придя в себя, сказала сестрам: «Нам надо готовить сумки, чтобы уходить». Матушка Амвросия с тремя больничными сестрами устроилась в Козельске, в тесной комнате. К ним постоянно заходили, останавливались идущие из монастыря, могли здесь отдохнуть, ночевать на полу, на кухоньке. Монашествующие во множестве селились в Козельске, в окрестных деревнях, уезжали на родину. Это был исход с неразрывностью духовно-родственных связей. Как бы по цепочке помогали друг другу – найти жилье, делились последним куском, знали, кто куда уехал, переписывались. Сердечно пеклись о старцах, усугубилось молитвенное общение с беседами батюшки, понимание внутреннего, не внешнего монашествования. Матушка Амвросия посещала больных в городе и деревнях. Она и трое сестер из монастыря образовали маленькую общину (с шитьем одеял), чтобы легче переносить нищету. Но вскоре последовал ее арест, допрос следователя.

«Когда я вошла, он сам сел и предложил сесть около него. Стал читать, в чем я обвиняюсь: в агитации молодых девушек, привлечении к монашеству и организации общины... почему именно к вам приезжало так много молодежи?»

«Да потому, что я держу себя как-то так, что в нашем доме не чувствовалось, кто старший, и останавливающийся чувствовал себя свободно». Говорила я с ним вполне искренне. А насчет агитации сказала: «Я избегаю всяких знакомств, и мы вели жизнь самую уединенную».

«Да, я знаю, знаю хорошо вашу жизнь. Вас можно обвинить лишь только в немой агитации. Вас там знают и уважают. Вот врач – верующая, в этом безмолвная агитация». Все это он говорил успокоительным, дружелюбным тоном. И как ни странно в данном положении, даже располагал меня к себе».

В итоге ей была объявлена «свободная ссылка в г. Архангельске».

По приезде на место назначения ее вызвали в ГПУ и сказали: «Вы врач, вы здесь хорошо устроитесь». Но ей ли было «устраиваться» с ее характером, в обстоятельствах, условиях, в которых жили ссылные и она вместе с ними. Положение их было тяжелое. Незабываем ее рассказ, как ссылные отправляются в лес на работу, непосильную для многих, особенно для женщин, – очищать лес, корку с бревен, как обессиленные, голодные, иные больные возвращаются вечером в бараки. И здесь матушка Амвросия находит в себе силы, чтобы ободрить несчастных, она предложила прочесть «Евангелие – что откроется», и «не могу выразить, как на всех подействовало прочитанное, подходящее к нашему положению». «Среди этой ужасной обстановки Господь послал нам мир душевный, неизъяснимый словами!» В ссылке матушка Амвросия встретила с обитавшим в этих местах архиепископом Лукой (в миру В. Ф. Войно-Ясенецким, будущим автором знаменитых «Очерков гнойной хирургии»). Когда-то в молодости в срединной России работали они земскими врачами, и вот пути их еще раз пересеклись (теперь уже личным знакомством) на суровом Севере. Он благословил ее, и на ее вопрос: если ей предстанет необходимость работать по медицине, благословит ли он ее – «с готовностью, с радостью сказал: «Благословляю, работайте с Господом. Ведь я тоже работаю».

Да, она никогда не прекращала свое милосердное дело и в ссылке, где несчастные так нуждались в медицинской помощи.

Но одновременно шло постижение того дорогого, милосердного, что есть в людях, в лучших из них. Иногда это воспринималось как чудо, вроде встречи с неизвестным после изнурительной работы в лесу: «А я ведь с утра не ела, как-то буду дальше, и со мной ничего нет... Вдруг навстречу идет крестьянин с кожаной курткой через плечо. Поклонился и говорит: «Я таких люблю, посидим!». Здесь было бревно. Мы сели. Он достал пшеничную лепешку и дал мне. Господи! Откуда же это могло быть при таком голоде? Я была поражена и от умиления стала плакать. Не помню, о чем мы говорили. Потом я съела лепешку и подкрепилась. Разве я могла бы дойти голодной? У меня было такое чувство, что это Ангел Господень послан мне для спасения».

На фоне равнодушия, отчужденности многих людей от ссыльных – тем ярче искры человеческого участия к ним. “Нас нигде не принимали. Походив целый день по городу, мы опять возвратились на вокзал. Ночевать там не полагалось, но старичок сторож сжалился над нами и позволил нам переночевать, хотя, как мы видели, другим он не разрешал”. “Дорогой нам кто-то посоветовал, что лучше всего пойти ко всеобщей попросить кого-нибудь из местных жителей нас приютить. Мы так и сделали... Там мы переночевали. Когда некуда было деться, одна женщина еще несколько раз принимала нас”. “Сделалось совсем темно, надо где-нибудь ночевать. Не помню, как-то вышло, что мне дали ночлег: пустили какие-то семейные добрые люди. На другой день даже угостили меня блинами и на дорогу дали”. “Уже темнело, и я едва успела дойти до тех рабочих, которые как-то приютили нас в предместье города. Там и ночевала”. “Сын хозяйки согласился довести меня с посылками в город”. “Спаси Господи девушку. Она везла санки и решила проводить меня до места”. “После обедни просфорница нас пригласила пить чай, сама предложила квартиру в мезонине и сказала, что муж ее придет на лошади за нашими вещами”. “Матушка София впоследствии рассказала мне, что когда она была на этом пересылочном пункте, то расспрашивала: куда отправлена такая-то старушка, ей хотелось узнать про меня. Комендант ответил, что он помнит такую, она напомнила ему мать, и ему так хотелось даже освободить ее. Недаром же батюшки заметили его доброе отношение ко мне”. “Хозяева были хорошие люди, не притесняли нас”. “Отдохнув и поговорив немного, я хотела уходить, а он, написав адрес своей дочери, живущей в Москве, настойчиво повторял: “Напишите ей, непременно напишите”. Ей была назначена здесь ссылка. У меня осталось такое хорошее впечатление от этого человека, от этой чудесной встречи”. И т. д. И вот этот эпизод, который как бы венчает все сказанное о добре, потому что оно здесь творится безымянно, по какому-то толчку Божественному. Матушка едет на электричке с посылкой для арестованного владыки. “Электрички полны одних рабочих мужчин, там все лесопильные заводы. Народ бойкий: на остановках вылетают, как сумасшедшие. Наша станция. Со ступенек электрички надо сходить прямо на обледеневшую горку. Я, конечно, упала. Через мою голову прыгают рабочие. Чья-то рука оказалась над моей головой и защищала меня от прыгающих. Слава Тебе, Милосердный!”

Любимый герой Достоевского князь Мышкин в “Идиоте” говорит: “Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия человечества”. Опыт страдания и сострадания – наше духовное сокровище, сокровенное в нашем русском национальном бытии. Может быть, зло – одно из самых страшных, уготованных “демократами” России нашему народу, – это всеми средствами вытравить в нем, истребить в корне чувство сострадания. Но и им, оказывается, это не по силам. В своей книжке “Записки президента” Ельцин рассказывает, как он приказал командующим спецгрупп “Альфа” и “Вымпел” штурмовать “Белый дом” (3 октября 1993 года). “Я обвел взглядом их – огромных, сильных, красивых”. Но “обе группы отказались участвовать в операции... мы не для того готовились, чтобы в безоружных машинисток стрелять”. Какое надо иметь мужество, какую природную способность сострадать жертвам готовившейся расправы, чтобы, употребляя слово самого Ельцина, “наплевать” на его приказ. И здесь на память приходит другая, недавняя история, на этот раз уже в Израиле: получив приказ о сносе еврейского поселения, тамошние “спецназовцы”, не раздумывая ни минуты, бросились беспощадно колошматить своих соплеменников, жителей этих поселений, и не нашлось ни одного из этих погромщиков, кто отказался бы выполнять приказ. Хороший повод пошевелить мозгами для тех, кто любит разглагольствовать, кто рабы, а кто не рабы.

Но вернемся к нашей героине, чтобы сказать о ней последнее слово. Скончалась матушка Амвросия незадолго до окончания Великой Отечественной войны, в августе 1944 года, и была похоронена в Сергиевом Посаде, на старом Клементьевском кладбище. Вплоть до ухода в мир иной, несмотря на слабеющие силы, продолжала она без отказа врачевать нуждающихся в помощи. Автор “Записок” о ней, монахиня, хорошо знавшая ее, пишет: “Матушка не любила поучать. Она больше говорила о том, что сама прошла опытом и привела в жизнь”. “За плечами лежал длинный, доблестно пройденный путь”.

Однажды к Серафиму Саровскому пришел некий профессор и начал разглагольствовать о Православии, вроде бы даже и поучая старца. Выслушав красноречивую, преподобный Серафим сказал: “Учить так легко, а вот попробуй проходить делом то, чему учишь”. И какой легион так называемых ученых, “докторов наук”, писателей пустились ныне в говорильню, строчкогонство о Православии на манер того болтуна, о котором говорил Сталин: “человек управляет языком, а Радеком управляет язык”. Вот недавно в “Литературной газете” (№ 27, 4–10 июля 2007 г.) был опубликован материал “круглого стола” под заглавием “Спасет ли православие христианскую цивилизацию?”. Не будем вдаваться в диковатость для православного сознания самой постановки вопроса, так же, как – экуменической подкладки в затее организатора “круглого стола”. Это тема особая. Среди участников обсуждения были “представители всех христианских конфессий”, но тон задавали “интеллектуалы”. Возглавлявший “стол” А. Ципко находился вроде бы в пикантном положении: ведь не кто иной, как он, писал, что в православном храме видит только рабские лица; не он ли восхищался папой римским Иоанном Павлом II, стыдя нас, православных, что этот папа во времена тоталитаризма защищал религию, веру, а мы так неблагодарны к нему (видимо, и за то, что этот папа сыграл такую зловещую роль в уничтожении нашего великого государства). Он же, Ципко, прославился несусветной хвалой в адрес Иуды Горбачева, в российском промасоненном фонде которого обрел прибежище. Видно, не удивляет его и то, что другой, созданный в 1992 году американский фонд Горбачева в Сан-Франциско, получивший в 1995 году новое название: “Мировой Форум (фонд Горбачева)”, стал центром, где мировой закулисой, ее крупнейшими деятелями разрабатываются планы “нового мирового порядка” с закабалением народов, ликвидацией “излишнего населения”, с глобальным контролем над человечеством, заменой христианской цивилизации – иудейско-масонской (об этом пишет известный историк Олег Платонов в своей книге: “Почему погибнет Америка: Тайное мировое правительство”, Краснодар, 2001). Именно фонд Горбачева выступил с идеей создания международной так называемой Организации Объединенных Религий, в качестве надзирателя над религиями мира (за исключением, разумеется, иудейской). И странновато, что поклонник этого цербера “мировой религии”, вообще человек с таким набором антиправославных симпатий занял место на капитанском мостике “круглого стола”, дабы указывать, непрерываемо, куда “плыть православию”.

Впрочем, такую решимость Ципко можно отнести за счет той бердяевской (белибердяевской, по Солоневичу) “философии свободы”, какую с младости он возлюбил (по собственному признанию) и волен таковой держаться при любых обстоятельствах. Вот и здесь, за этим “круглым столом” – полная “свобода” во всем. Например, в “оценке и субъекта декоммунизации и субъекта христианизации советской России. Несли в себе Бога не только те, кто принадлежал к “малому стаду”, т. е. кто в советское время через воцерковление выражал свой протест против системы, но и “большое стадо” морально развитых людей, кто отличал добро от зла, кто не принимал идеологию классово-борьбы, мораль Павлика Морозова”. Пишет это (как сказано о Ципко в справке одной газеты) член КПСС с 1963 по 1990 гг., ответственный работник ЦК КПСС (об этом не сказано), и хотя ныне он рекомендует себя православным, тот партийный, цеховский знак нестираем в его сознании. Воцерковление он иначе и не может себе представить, как только в качестве “протеста против системы”. Так и представляешь себе тех ретивых “партийцев”, “агитаторов”, которые в людях воцерковленных, верующих видели врагов советской системы. Уж не думают ли подобные охранники, что и участие в самой Литургии не что иное, как “выражение протеста против системы”?

В своей статье в “Литературной газете” (28 февр. – 6 марта 2007 г.) А. Ципко, именую меня “основоположником красного патриотизма”, цитирует отрывок из моей статьи 60-х годов “Просвещенное мещанство”: “Нет более лютого врага для народа, чем искус буржуазного благополучия. Это равносильно параличу творческого гения народа”. По поводу этой цитаты Ципко пишет: “Красные патриоты защищали социализм не во имя Маркса и Ленина, а прежде всего как надежный заслон от искусства буржуазного благополучия, защищающий, как они считали, Россию от морального и духовного разложе-

ния”. Это правильно. Время показало, что с сокрушением социализма, с внедрением культа наживы, буржуазного благополучия, “воровства, разбоя” (этими словами определял сребролюбие Игнатий Брянчанинов) – Россия в результате и оказалась жертвой наступившего морального и духовного разложения. Казалось бы, именно этой реальностью и объясняется главная причина нынешнего катастрофического состояния России. Однако виновником этого автор объявляет тех же “красных патриотов”, “красных славянофилов, которые, по его словам, “связали в своем мировоззрении духовность с аморализмом, с преступлением” (следует ссылаться на пресловутый пиарский антисталинский фильм “Покаяние”, а точнее сказать – огульное охаивание советской эпохи). “Красный патриотизм... всеми своими ценностями, своими устремлениями находился в вопиющем противоречии с настроениями советских людей, а главное – с настроениями советской интеллигенции, которую перестройка вывела на политическую сцену”. Что представляла собой “советская интеллигенция” в “перестройку” и кто был заводилами в ней, какие фигуры орудовали на политической сцене – слишком хорошо известно об этой остервенелой “пятой колонне”.

Удивительно, как переиначивает Ципко мое понимание буржуазности, “просвещенного мещанства”, сводя его к бытовому мещанскому комфорту: Лобанов “восстает против буржуазности как благополучия, устроенности отлаженного быта”. Речь в моей статье идет о мещанстве духовном, а не бытовом, житейском, о “сытости духовной”, на чем я остановлюсь в дальнейшем. Ципко же так заворочен мещанством бытовым, что абсолютно уверен: “все великие творения европейской культуры нового времени были созданы европейскими мещанами, привыкшими к сытой и устроенной жизни”. Оставим в стороне “великие творения европейской культуры”, “созданные мещанами” (уж не в мещанах ли оказался бы и гениальный французский ученый Паскаль, живший свято и говоривший о едином порыве милосердия, превышающем все тела, звезды во Вселенной и все сотворенное человечеством), но прелесть самой этой “отлаженной жизни” давно уже не секрет. Герцен, рвавшийся на Запад и проживший там много лет, был в ужасе и отчаянии от “мелкой и грязной среды мещанства, которое, как тина, покрывает зеленью свою всю Францию”; буржуа “обрюзг, отяжелел”, он “смеется над самоотвержением”, каменя “в разврате самом гнусном”; “все мельчает и вянет на истощенной почве: нету талантов, нету творчества, нету силы мысли, нету силы воли, все нищают, не обогащая никого... нравы мелкой буржуазии стали общими”. По словам Герцена, перед буржуа падает кисть художника. К. Леонтьев говорил о “среднем европейце” как воплощении буржуазной безликости, посредственности, сером, без всякой индивидуальности, “красок” мещанском стереотипе.

И в России появились тогда свои доморощенные буржуа – мещане, обосновавшись и в литературе. Адвокат Лужин с его деляческим духом в “Преступлении и наказании” Достоевского, ораторствуя о прогрессе, самодовольно изрекает: “Мы безвозвратно отрезали себя от прошедшего”. Для Смердякова в “Братьях Карамазовых” все “неправда”, что находится за рамками рационалистичности, о гоголевских “Вечерах на хуторе близ Диканьки” он с ухмылкой говорит: “Про неправду все написано”. На Западе же столь завидная для Ципко “устроенность отлаженного быта” дошла до того, что наиболее прозорливые мыслители заговорили о конце этого “рая” (“Закат Европы” Шпенглера), а ныне уже говорят о его гибели (“Смерть Запада” Бьюкенена). Нынешнее время на Западе с гордостью именуется “постхристианским”.

А. Ципко в “Просвещенном мещанстве” не увидел главного, того, о чем, например, со злорадством писал диссидент-эмигрант А. Янов в своей вышедшей в Нью-Йорке, затем изданной в России книге “Русская идея в XX век”. По поговорке “у страха глаза велики” он так отреагировал на статью: “Сказать, что появление статьи Лобанова в легальной прессе, да еще во влиятельной и популярной “Молодой гвардии” было явлением удивительным, значит, сказать очень мало. Оно было явлением потрясающим”. “Злость и гнев, которые советская пресса обычно изливала на “империализм” или подобные ему “внешние” сюжеты, на этот раз были направлены внутрь. Лобанов неожиданно обнаружил червоточину в самом сердце первого в мире социалистического государства, причем в разгар его триумфального перехода к коммунизму... Язва эта состоит, оказывается, в “духовном вырождении образованного человека”.

И моя статья – это разбор всего того, что входит в сущность этого духовного вырождения “образованного человека”: “У мещанства мини-язык, мини-мысль, мини-чувство, всё – мини”: творческая бесплодность; пустота в “блеске” интеллектуальной синтетики; одержимость низвести все высокое, великое до уровня моды, пошлости; пищеварительная тяга к Западу (“хочу жить, как там”) и т. д. Речь шла о страшном тогда, в шестидесятые годы, психологическом симптоме – назревании в обществе, стране духовного, социального кризиса, подспудного скопления разрушительных сил в лице “советской интеллигенции”, той самой, которая впоследствии, с “перестройкой-революцией”, уже в наше время, объявив себя “демократами”, направила всю свою бесовскую энергию на уничтожение России, русского народа. И можно назвать “просвещенное мещанство”, если хотите – предчувствием того, что произошло в России. И как же можно свести столь духовно опустошительное по своим последствиям явление к “отлаженному быту”? Так я говорю о духовной сытости, как конце всякого движения в умственной, нравственной жизни (когда, по словам Гюго, “брюхо съело человека... конечное состояние всех обществ, в которых померк идеал”), а мне говорят: всё в Европе построено на сытости, на комфорте, все великие научные, культурные ее достижения. И эта сытость понимается буквально, на желудочном уровне интеллектуального уродца Гайдара, о котором даже либеральная “Независимая газета” с иронией писала, как он в Италии, на каком-то экономическом симпозиуме, обличал социализм тем “доводом”, что колбаса в Советском Союзе “не годилась в пищу”. Таким колбасникам не дано понять, что есть уровень жизни и качество жизни. Есть также и качество личности, и вот пример. Был такой известный, уважаемый космонавт Алексей Леонов, можно сказать, любимец народа, как все наши космонавты, он и “смотрелся”, как “природный сын его”. А теперь этот человек по тому же телевизору (в “дуэли”) позорит народ за его нищету, лодырь, мол, не хочет работать. Почему такая перемена? Да потому, что стал бывший космонавт Алексей Леонов замом президента какого-то банковского хозяйства, утопает в деньгах, у него уже иной взгляд – и на себя, и на людей. Другой человек. Вот вам и качество личности. Никуда не денешься: личность в русском сознании ну никак не оторвать от коллективности, соборности – без этого нет нашей истории, культуры, духовной самобытности народа. И, глядя шире, – качество самой социальной системы. При ненавистной либералам советской эпохе (трагической и великой) были Блок (поэмы “Двенадцать”, “Скифы”), Есенин, Маяковский, Шолохов, Платонов, Леонов и т. д. А теперешняя “демократическая эпоха” – что дала, кроме помойки?

То, что можно назвать социальной базой нынешнего режима, – клан “олигархов” с награбленными ими несметными природными богатствами в нашей стране, всего созданного народом в течение многих поколений; гидра коррумпированного чиновничества сверху донизу; преступный “бизнес” (постоянно амнистируемый властью за уголовщину, неуплату налогов, одинаковых у нас для миллиардеров и нищих); промежуточные слои всякого рода спекулянтов, перекупщиков, торговцев; продажная “интеллигенция”, растленная журналистика, нужные власти в той же, видимо, функции, какую имел в виду Ленин, призывая “организовать проститутток как особый революционный отряд” (из беседы с Кларой Цеткин осенью 1920 года в Кремле) – всё это, перечисленное выше “на законных основаниях”, требует своего идеологического оформления и “оправдания добра”. И все это сходится в одном: в мертвой хватке за “право священной частной собственности”, в требовании необратимости людоедских “реформ”. То, что называется буржуазным сознанием и раньше воспринималось как нечто отвлеченное, ныне становится господствующим фактором бытия, предметом апологетики, причем уже неолиберального толка, в духе неолиберальных “реформ”. Когда Чубайс изрек, что в отношении экономики, “реформ” “надо пренебречь нравственностью”, то это было воспринято как признак пещерного культурно-интеллектуального уровня этого одиозного типа. Но этот “младореформатор” (как и его поделщики гайдара) знал, конечно, кого он повторяет и кому следует. Теперь уже цитируются и вдохновители их, вроде теоретика рыночной экономики Ф. фон Хайека, говорившего еще в 1980-х годах, что для существования либерального общества надо, чтобы люди освободились от некоторых инстинктов, прежде всего – от “инстинкта солидарности и сострадания”. Не скрывая сути дела, “либералы-демократы”, их единомышленники во власти прямо указывают на истоки

своей идеологии. В моей статье “Консервативная накипь” (“Наш современник”, 2004, № 6) уже говорилось о трехтомном издании “Идеи. Люди. Действия”, вышедшем в “Библиотеке “Единая Россия”, где в качестве наставников нынешних российских политиков, прочей так называемой “элиты” названы Дизраэли, Черчилль, Рейган, Тэтчер и т. д. Не будем вдаваться в подробную характеристику этих враждебных к России деятелей, выделим из них две фигуры, осуществлявшие на практике неолиберализм, – Рейгана и Тэтчер. Последней, кстати, принадлежат слова о том, что на территории России экономически оправдано проживание крайнего минимума населения. Из философов в числе тех, кто должен вдохновлять наших либералов, назван Ницше, любимец Гитлера, апологета войны, ненавистника Христа, христианства. Уж не презрение ли этого “сверхчеловека” к состраданию, участию к обездоленным, слабым, которым он отказывал в праве на существование, – так сродни психологии наших нынешних “сильных мира сего”.

Никогда не исчезали на русской земле и ныне продолжают великие дела милосердия. В начале этой статьи речь шла о монахине Амвросии, в миру враче Александре Оберучевой – из прошлого. И вот наш современник – врач, иеромонах о. Анатолий (Берестов). Два пути – доблестные и плодотворные. Так соединяются концы времени, исторической цепи. Иеромонах Анатолий – крупный ученый-медик, доктор медицинских наук, подвижник не только в монашеском стяжании духа, но и в общественном делании, практической работе в миру. Демографическая катастрофа в нашей стране вследствие “криминальной революции”, “демократических реформ” неотступно занимает его научные и гражданские помыслы. По миллиону в год сокращающееся население страны за время правления “демократов” – эта бесстрастная цифра оживает, превращается в его научных изысканиях в страшные картины народного горя, геноцида народа. Никогда русский человек на своей земле не подвергался, как теперь, такой изуверской обработке. И вот мы видим в работах, статьях о. Анатолия его не отвлеченные, а конкретные, реальные наблюдения, выводы ученого, медика и человека религиозного, как разрушается человеческая личность в нынешних условиях – и психологически, и духовно, и физически, не выдерживая угнетения всех видов.

В своих многочисленных печатных выступлениях под рубрикой “В чем причина демографической катастрофы в России” он касается всего, что губительно действует на человека, от “духовной агрессии внешней и внутренней” против России до недоброкачественных продуктов, “псевдопродуктов”, завозимой из-за границы пищевой отравы. “По плодам их узнаете”, – сказано в Евангелии, и эти плоды “демократической” Эрэфии – катастрофическое вымирание нашего народа, в то время как даже в послевоенный период людские потери в войну через несколько лет были восстановлены, и все последующие годы, вплоть до “демократического” переворота, народонаселение неуклонно возрастало. Этот поразительный факт и определяет гражданскую позицию ученого-медика, о ком одна из газет (“Долгожитель”, № 5, 2004) пишет как о “человеке, который не боится говорить правду о многих старательно и сознательно замалчиваемых вещах”.

Отец Анатолий – руководитель душепопечительского центра по реабилитации лиц, пострадавших от оккультизма, тоталитарных сект, наркомании. Через этот центр прошли десятки тысяч людей, получивших здесь помощь, исцеление от тяжких недугов. Особенно близко к сердцу принимает о. Анатолий несчастье молодого поколения, растлеваемого “демократической” агрессивной пропагандой вседозволенности. “Чем дальше от времени Советского Союза, – говорил он по радио “Радонеж” (5 июля 2007 г.), – тем хуже духовное состояние молодежи”.

Если в глубинах народного бытия не перестают нарождаться такие силы милосердия, то это значит, что в нем, в народе, живо христианство, ибо высшим выражением его и является милосердие. Ведь наше отношение к пораженному лишениями, страданиями людям Христос отождествляет с отношением к Нему Самому, берущему на Себя бремя “униженных и оскорбленных”, чтобы через эту непостижимую глубину милосердия пробудить сочувствие к ним (Мф. 25, 29–30). Поэтому то, что либералы взялись за вытравление в человеке, в народе “природных инстинктов солидарности и сострадания”, означает в сущности их бесовскую одержимость вытравить из сознания, жизни людей само христианство, Христа. Недавно опубликованное в печати (ко-

нец июля 2007 г.) пресловутое “письмо академиков” (Гинзбурга и др.) о якобы клерикализации в стране показало не только их духовно-культурную ничемность, ущербность, но и характерную для либеральной среды крайнюю агрессивность, ненависть к Православию в духе времен Троцкого–Губельмана (Емельяна Ярославского). Нельзя не сказать о подрывной антиправославной роли, которую играют вернувшиеся в нашу страну (за ненадобностью их там, за границей) диссиденты. Солженицына не устраивает “окаменело ортодоксальное, без поиска” Православие, как будто возможно Православие с “поиском”, с извращением, отменой его догматов. Известно, как обоготворял он папу Иоанна Павла Второго, называя его “благодатью Божией”, считая “великим счастьем” повторять это. И как он обвинял патриарха Пимена во лжи: “Но после лжи какими руками совершать Евхаристию?” “К освобождению от лжи кого же было призвать первыми, как не духовных отцов” и т. д. Другой диссидент М. Назаров, в течение многих лет выполнявший на Западе идеологические заказы против своей бывшей Родины, с приездом сюда избрал постоянным объектом своих “разоблачений” Московскую патриархию. Автор невиданно русофобского изделия “Зияющие высоты” А. Зиновьев оставил “наследие” и как непримиримый противник Православия, повторявший в своих статьях, интервью одно и то же: “Православие не является не только единственной, но и вообще никакой ценностной базой для духовного возрождения России. Это – духовное падение России, это – деградация... Россия отбрасывается на 100 лет”. “Усиление Православия означает деградацию России и является одним из факторов падения России и гибели” (“Советская Россия”, 6 сент. 2007 г.) и т. д. На фоне этих лобовых атак любопытно суждение известного “нейтрального” к этой теме еврея Исраэля Шамира (в послесловии к книге “Россия и евреи”, М., 2007): “Правление Троцкого и Свердлова миновало, как и семибанкирщина при Ельцине. В обоих случаях русский дух победил... Эту временность и ограниченность еврейской победы в России можно объяснить православной верой. Русский народ, объединенный своей православной церковью, – это такая духовная сила, с которой не справиться ни одному противнику”. Автор даже полагает, что “коммунизм был – православием без Христа. Был бы с Христом – Россия пришла бы в сказочный век”. Не будем легковверны насчет того, что “русский дух победил” при Ельцине (добавим – и при его преемнике) – очевидно только усиление паразитического капитала и вымирание народа. Но очевидно и то, что Православие – действительно духовная основа нашего национального сопротивления, и с нею, этой основой, не так легко справиться нашим “историческим нетерпеливцам”. Ведь для окончательной победы необходимо покорить жертву насилия силою духовности, обаянием культуры, если хотите, тем же, присутим сильным людям, народам великодушием, милосердием, а когда этого нет – то в самом деле неизбежно, в конце концов, то, что называется иллюзией победы.

18 сентября 2007